

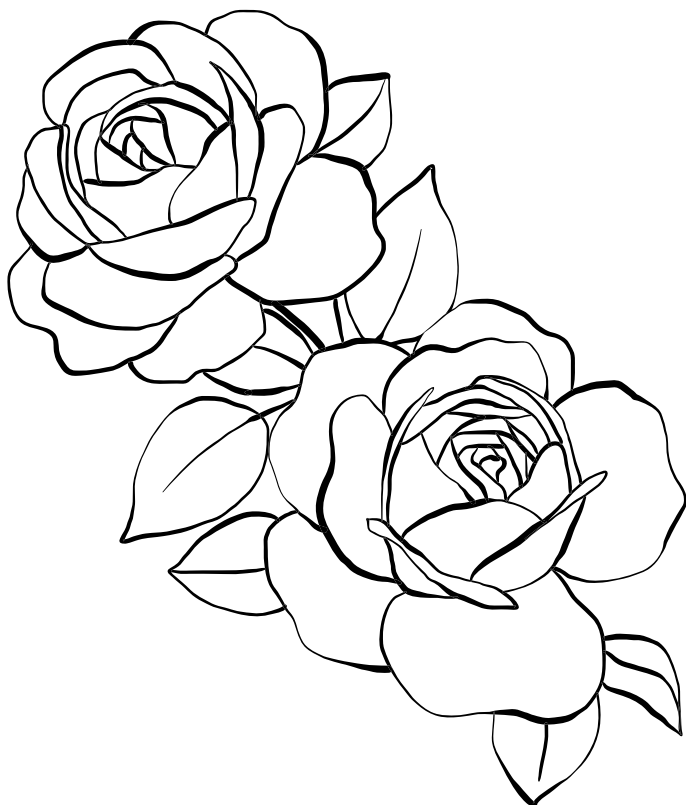
АННА ДЖЕЙН

**ЗАПРЕТИ
ЛЮБИТЬ**

*Я буду помнить тебя каждое мгновение.
И пока я помню тебя, ты живешь*

*...Любовь покрывает все грехи.
Книга притчей Соломоновых, 10:12*

ПРОЛОГ

ОТЧАЯННАЯ ЛЮБОВЬ

НА КРЫШУ ВЫСОТНОГО здания выбралась хрупкая девушка в вечернем платье лазурного цвета. Ее дыхание было прерывистым, словно она быстро бежала, пряди темных волос выбивались из растрепавшейся красивой прически. Девушка огляделась по сторонам в надежде спрятаться, увидела кучу каких-то коробок у бортика крыши, бросилась к ним, но не успела. Ее остановил темноволосый парень в окровавленной белой рубашке, который выбежал вслед за ней.

— Стоять! Или застрелю! — крикнул он, направив на нее пистолет.

Он держал оружие уверенно, явно зная, как с ним обращаться. Девушка замерла и медленно повернулась. За ее спиной разливался алый закат, а ветер толкал в грудь, заставляя отступить назад, к самому краю крыши.

Глаза парня цвета янтаря были наполнены ненавистью. Не было сомнений — если понадобится, он выстрелит. Кажется, девушка и сама прекрасно осознавала это, но вместо страха на ее красивом лице читалась боль. Она смотрела не на пугающее черное дуло пистолета, а в лицо парня.

— Игнат... — прошептала она.

— Думала сбежать от меня? Не вышло. Ты должна ответить за то, что сделала, сука, — хрипло произнес он. Без сожаления, но с болезненной решимостью.

— Я не хотела, чтобы так вышло. Поверь.

— Поверить? — усмехнулся он. — Кто поверит *убийце?*

— Я не убийца.

— Хватит лгать. Ты убила ее. Убила мою девочку. Тогда, шесть лет назад. И все эти шесть лет жила счастливо, пока она гнила в земле.

— Игнат... — умоляюще повторила она.

— Не смей называть меня по имени, дрянь. А я ведь... Я полюбил тебя! Собирался сделать своей женой! Тебя, убийцу! — выкрикнул он с отчаянием, и в глазах у него заблестели слезы. — Тебе наверняка было весело все это время, да? Ты знала обо всем и смеялась. А когда поняла, что сможешь стать моей женой, решила после свадьбы и от меня избавиться? Забрать все мои бабки и свалить? Но нет, детка. У тебя ни хрена не получится.

— Все не так, — покачала головой девушка, медленно отступая к бортику.

— Я тебе не позволю. Я отомщу за нее, поняла? Ты убила ее, а я убью тебя.

— Нет, Игнат, пожалуйста, не надо. Ты пожалеешь! — закричала девушка.

— Пожалею? — переспросил парень, тяжело дыша. — Ты сказала... пожалею?

Эти слова стали для него триггером. Ярость застилала взгляд, делала страшным. Казалось, еще мгновение, и парень нажмет на спусковой крючок.

— Пытаешься меня напугать? — хрипло рассмеялся Игнат. — Не получится, детка.

— Мне плевать, что будет со мной. Но ты... Я не хочу, чтобы ты становился убийцей. Ты этого не заслуживаешь, — отрывисто произнесла девушка, оглядываясь, — до края крыши оставалось несколько шагов. Ветер раздувал подол ее платья.

— Боже, какая трогательная забота! — издевательски поклонился Игнат. — Ты так беспокоишься за меня... Перестань играть роль заботливой невесты, детка. Давай помолись напоследок, и я отправлю тебя в ад.

— Слышишь? — неожиданно спросила девушка, словно прислушиваясь к чему-то.

— Что?

— Шум морских волн.

На ее губах появилась слабая улыбка.словно она вспомнила что-то хорошее.

— Заткнись! — еще громче выкрикнул Игнат.

От внезапно охватившего его болезненного отчаяния было трудно дышать. Он не понимал, отчего вдруг стало так невыносимо больно.

— Ты... любил меня? — с трудом проглотив ком в горле, спросила девушка. — Знаешь, я... я очень тебя любила. Только тебя.

По красивому лицу Игната пробежала тень. Пальцы, сжимающие пистолет, дрогнули.

— А я тебя ненавижу. Тебя и твоих подельников. Уничтожу вас всех! — прорычал он.

Девушка в лазурном платье протянула вперед руку, словно мечтая коснуться его лица.

— Я не позволю тебе стать убийцей. Если хочешь, чтобы я ушла, сделаю это сама.

Такого поворота событий Игнат совершенно не ожидал — она резко развернулась, кинулась к краю крыши и встала на бортик. Перед ее глазами раскинулась бездна, а ветер, играя, раздул подол нарядного платья. Девушка замерла, поняв, что шум океанских волн на самом деле был ее сердцебиением. Она оглянулась — бледная как мел, прекрасная в своей решимости.

— Прости за все. Я всегда любила тебя. Всегда.

Вместо того чтобы выстрелить девушке в спину, Игнат кинулся к ней.

— Стой! — страшным голосом закричал он.

...А небо все так же кровоточило закатом, и облака были похожи на рваные раны.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ИСКРЫ

ГЛАВА 1

СЛЕЗЫ ПРОШЛОГО

С САМОГО ДЕТСТВА я мечтала о том, чтобы у меня был старший брат. Заботливый, добрый и сильный. Способный защитить меня от самых страшных чудовищ. И от отца, с которым мы с мамой жили в то время.

Мало кто знает, что монстры существуют и что они находятся среди нас. Мой родной отец, например, превращался в монстра каждый раз, когда пил. Стоило алкоголю попасть в его организм, как он менялся и из обычного человека превращался в чудовище. Сначала начинал цепляться ко всему — кружка стоит не так, в углу после уборки осталась пыль, суп недосолен. Соседи топают и мешают, мама слишком много разговаривает по телефону, я громко смеюсь. И вообще мы ведем себя отвратительно.

С каждой новой рюмкой его раздражение росло, и часенъко вечер в нашей квартире заканчивался вспышкой его гнева. Отец начинал орать во всю мощь легких, швырял на пол посуду, мог переломать мебель или разбить окно. Потом он хватал маму, начинал трясти ее и орать, какая она отвратительная и как он ее ненавидит. Если вспышка гнева была сильной, он мог повалить ее на пол или ударить.

Отец всегда бил маму по лицу — так, что оставались синяки и кровоподтеки. Иногда таскал за волосы, крича, что убьет и ее, и ее любовников, — по мере опьянения в нем просыпалась патологическая ревность. В каждом мужчине он видел соперника. А потом утаскивал ее в спальню.

Когда это начиналось, я забивалась под кровать в своей комнате, закрывая уши руками, чтобы не слышать маминых криков. Тогда, захлебываясь в беззвучных слезах, я молила о том, чтобы пришел старший брат, который спас бы нас от монстра, вселившегося в папу. Но этого не происходило. Никто не приходил нам на помощь. А мама не уходила от отца. Во-первых, идти было некуда. А во-вторых, отец, протрезвев, всегда просил прощения, осыпал подарками и валялся у нее в ногах, клятвенно обещая, что больше никогда ее не тронет.

Последнее, что я помню об отце, — это то, как однажды на Новый год он напился до такого состояния, что схватил нож и бросился на маму, крича, что зарежет ее. Маме чудом удалось запереть его на балконе. Она схватила документы, сумку, первую попавшуюся одежду, и мы с ней выбежали на лестничную клетку. Мама была босиком, а я в ее домашних тапочках, хотя на улице стояли декабрьские морозы. В руках я держала куклу Барби — единственную игрушку, которую успела схватить. Мы бросились по лестнице вниз, на улице гремели салюты, а из нашей квартиры доносились яростные злобные крики. Отец разбил стекло на балконной двери и бросился за нами, крича, что никуда не отпустит.

— Поймаю — убью тебя, шалава! Слышишь меня, слышишь?! — доносились его пьяные вопли. — И малолетнюю тварь убью! А потом себя! Все сдохнем!

Не знаю, чем бы все закончилось, если бы не помощь соседки снизу. Молодая красивая девушка с черными наращенными волосами то ли пришла домой, то ли собиралась уходить. Увидев босую заплаканную маму с разбитой губой и меня в домашних тапках не по размеру и с куклой в руке, она все поняла.

— Заходите, — велела соседка, кивнув на дверь.

Мама потянула меня за собой. Мы оказались в чужой квартире — прокуренной и дорого обставленной.

Соседка тут же закрыла дверь на замок, а сама прильнула к глазку. Убедившись, что отец к ней не стучится, она поманила нас с мамой на кухню. Усадила за стол, достала из холодильника какие-то бутерброды и торт. Даже гирлянду на окне включила и налила мне газировки, а потом погладила по волосам.

— Меня Оксана зовут, а тебя? — спросила она, усаживаясь напротив и закидывая ногу на ногу. Юбка у тети Оксаны была короткая и блестящая.

— Лена, — ответила мама. — А это Ярослава. Яра.

— Красивое имя. Княжеское, — улыбнулась мне соседка и тут же нахмурилась. — Вот что, Лена, полицию вызвать надо.

— Не хочу, — покачала головой мама, прикрыв разбитую губу ладонью.

— На муженька заявление написать. Пусть посадят.

— А что люди скажут? — выдохнула мама.

— Да они о тебе уже все сказали, что могли! — хмыкнула Оксана. — Я месяц как въехала и то знаю, что муженек у тебя поехавший. Бухает и бьет тебя.

— Я не могу, правда... — прошептала мама, теребя подол домашнего платья.

— Прости, Лена, но ты дура. Он же тебя бьет. А если вообще прикончит? — спросила соседка, хмурясь. — Малую-то не жалко? Сиротой останется. Папашку посадят тогда, а ее в приют. Какая у нее потом жизнь будет?

Мама вздрогнула и, закрыв лицо руками, заплакала. Она плакала так же тихо, как и я, — почти беззвучно. Но плечи у нее так тряслись, что соседка, кажется, сама едва не заревела. Она обняла маму, стала ее успокаивать, а потом, когда мама пришла в себя, спохватилась:

— Так, девчули, мне пора на работу. А вы оставайтесь. Лена, не хочешь к ментам, пересиди у меня. Только, ради всего святого, не возвращайся к уроду. Ну он же тебя реально убьет когда-нибудь.

— Не вернусь, — тихо пообещала мама. — Только в квартире все наши вещи остались... Как бы забрать?

— Я найду способ, — пообещала Оксана. — Есть у меня знакомые, помогут.

Она подкрасила губы алой помадой перед большим круглым зеркалом в прихожей, надела сапожки на умопомрачительных каблуках и, накинув изящную белую шубку, выпорхнула из квартиры. Мы с мамой остались вдвоем. Сидели в темноте на диване и смотрели в окно, за которым неистово взрывались фейерверки. Новогодняя ночь была шумной и веселой, но не для нас.

— Мам, а кем тетя Оксана работает? — спросила я, прижимая к себе куклу.

— Не знаю, Яра. Продавщицей в ночном магазине, — соврала мама.

— Ух ты, такие магазины бывают? — восхитилась я. — Тоже хочу в такой попасть!

— Когда-нибудь потом, малышка. Хочешь спать? Ложись тут, на диване. Я посижу с тобой.

Я легла и взяла ее за руку. Впервые за долгое время мне было не страшно.

— Мам, а папа нас не найдет? — прошептала я.

— Не найдет, — пообещала она.

— Не возвращайся к нему, ладно?

— Не вернусь... Спи, Яра. Все будет хорошо.

И я ей поверила.

Мама сдержала слово и не вернулась к отцу. Этот монстр исчез из нашей жизни, и во многом благодаря тете Оксане, которая просила называть себя просто Оксаной. Она вернулась на следующий день, уставшая, с размазанной косметикой и растрепанными волосами. Юбка на ней сидела не так, как вчера, — замок оказался спереди, а не сзади. Однако настроение у нее было отличное.

— Была у своего мужика. Смотри, что подарил, — весело сказала она маме, которая встала рано утром,

чтобы в знак благодарности привести в порядок кухню, вымыть полы и пропылесосить мебель.

— Что? — удивилась мама.

Оксана ткнула ей под нос руку с растопыренными пальцами. На указательном сияло кольцо с большим камнем.

— Брюлик, до фига карат. Мой такое даже своей жене не дарит, — ухмыльнулась Оксана.

— Жене? — непонимающе переспросила мама. — А ты...

— Любовница, ага, — подхватила Оксана. — Считай, что это моя работа — быть любовницей богатого папика. Кстати, работа непыльная. Быть красивой для него одного. Ты, Ленка, кстати, ничего так. Могла бы тоже себе найти богатого...

Она не договорила — в глазах у мамы появился такой ужас, и Оксана все поняла. Не сможет. Вечером Оксана вызвала каких-то знакомых — трех высоких плечистых дяденек, увидев которых я спряталась за маму. Вместе с ними Оксана и мама поднялись на наш этаж, оставив меня одну. Я знала, что они идут к отцу, и по привычке спряталась под кровать — думала, что монстр сильнее их. Он расправится с ними и вернется сюда, за мной.

Не знаю, что происходило в квартире, — я слышала лишь приглушенные крики и глухие удары, словно кто-то бьется о дверь наверху. Мама, Оксана и дяденьки вернулись спустя полчаса. Отца с ними не было — как оказалось, друзья Оксаны вломились в квартиру, связали его, а мама успела собрать кое-какие вещи.

— Сильный, урод, — сказал один из мужчин в прихожей. — По скуле вмазал.

— Мне по «солнышку» заехал. Удар поставлен, — подхватил второй.

— Он боксом раньше занимался, — ответила мама тихо.

— Ты как с ним жила, крошка? Грушей, что ли, была?

Мама не ответила, зато ответила Оксана:

— Да Ленка вечно в солнцезащитных очках ходила! Как будто никто не понимал, что синяки скрывала. Так, а дочка твоя где? — спохватилась соседка. — Не выбежала за дверь?

Они нашли меня под кроватью. И я не поняла, почему мама опять плачет. Ведь все хорошо. Монстр не пришел. Нас никто не обидит!

— Папа не придет за нами? — осторожно спросила я. — Я его боюсь...

— Нет... Не придет. Бедная моя девочка, — зашептала мама, обнимая меня. — Господи... Что же нам делать с тобой?..

— Тебе от такого, как он, только бежать, — вздохнула Оксана. — Уезжай в другой город. Ради дочери.

— С работой я тебе помогу, крошка, — раздался голос одного из ее знакомых, который наблюдал за нами, стоя у порога.

Через несколько дней мы действительно уехали. Отца я больше не видела. И у нас началась новая жизнь. Спустя какое-то время появился и старший брат. Но он не полюбил, а возненавидел меня.

* * *

Мы с мамой переехали в другой город — большой, шумный и равнодушный. Я плохо помню те дни, в голове сохранились лишь отрывочные воспоминания о жизни в коммунальной квартире где-то на окраине. В нашей небольшой комнатке стоял потрепанный раздвижной диван, шкаф, стол и два стула. Туалет и кухня были общими.

Окно комнатки выходило на пустырь, и если взрослые не замечали ничего особенного, то я радовалась — над пустырем каждый вечер разливался закат. Я сидела

на подоконнике и наблюдала за ним, зная, что, как только закат догорит, придет мама. Она работала кассиром в магазине неподалеку, и, хотя постоянно подрабатывала, выходя в другие смены, денег все равно катастрофически не хватало. Основная часть зарплаты тратилась на аренду жилья, остальное — на еду и кое-какую одежду. Но несмотря на то, что жили мы небогато, я чувствовала себя в безопасности. Никто больше не устраивал скандалов, не бил посуду и не трогал маму. Монстр остался в прошлом.

Я знала, что он ищет нас. Об этом маме по телефону сказала Оксана, которая помогла нам перебраться в другой город и порой созванивалась с мамой, а иногда переводила деньги. Мама просила не делать этого, говорила, что ей стыдно брать их, но Оксана каждый раз отвечала: «Не трать на себя, трать на малую». После этих слов мама обычно замолкала и тяжело вздыхала. Кроме Оксаны, у нас с ней действительно никого не было — мама осталась сиротой в двадцать лет и почти сразу начала жить с отцом. Он не разрешал ей общаться с подругами, настоял на том, чтобы она ушла с последнего курса университета, заверив, что будет содержать. Наверное, именно поэтому она терпела его столько лет. Не могла уйти, потому что уходить было некуда.

Года полтора мы прожили в той маленькой комнатке. Я не ходила в садик — сидела дома и ждала маму, а за мной присматривала добрая бабушка Галя, жившая в соседней комнате. Ей было очень много лет, и я знала, что сын отобрал у нее квартиру, продал, мать переселил сюда, на окраину, а сам на вырученные деньги занялся бизнесом. Кутаясь в шаль и подслеповато щурясь, бабушка часто рассказывала о сыне, но сам он так ни разу и не пришел к ней. Вторым соседом был дядя Женя, тихий алкоголик. Он пил, как и отец, но в отличие от него не буянил, а сразу заваливался спать, а потом ходил

по квартире с трясущимися руками и просил у мамы и бабушки Гали мелочь, чтобы опохмелиться.

Потом в город переехала Оксана. Она пришла к нам в гости — красивая, пахнущая дорогими духами, в коротком платье. Теперь волосы у нее были не черные, а выбеленные, ресницы стали еще длиннее, а губы больше. Оксана осмотрела нашу скромную комнатку, покачала головой и уселась на диван. Пока я распаковывала подарок — новую куклу в бальном платье, они с мамой разговаривали. До меня доносились обрывки их разговора:

— Ленка, ну ты же красивая, объективно красивая. Все при тебе — и фигура, и лицо. Но главное, интересная, умная, знаешь английский, разбираешься в искусстве. Только в тряпье ходишь и за собой не ухаживаешь. А ведь ты можешь жить по-другому. Красивой жизнью, а не прозябать в этой нищете, — говорила Оксана назидательно.

— Я не могу, Оксан. Не могу так. Продавать себя... — тихо отвечала мама.

— Не продавать, подруга. А оказывать услуги по сопровождению высокопоставленных лиц, — усмехнулась Оксана. — Это чистовой эскорт, никакой чернухи. Вернее, это уже по желанию девочки. Понимаешь, в агентстве моего друга все устроено именно так. Богатый мужчина хочет отдохнуть с красивой и интересной девочкой. Но знакомиться ему влом. И он обращается в специальное агентство с просьбой предоставить ему хорошую девочку. Не шалаву с накачанными губами, а интеллигентную малышку, которая знает, как себя вести, умеет себя подать, поддерживает разговор. С такой не стыдно прийти на званый вечер. Такую не стыдно показать деловым партнерам. Мой друг не работает с чернухой, так что подумай, Лен. Решай, хочешь ли ты жить рядом с наркоманами и алкашами всю жизнь.

— Оксан, я правда так не могу. Правда. — В мамин голос звучало отчаяние.

— Тебя просто не прижало еще, — вздохнула Оксана.

— А тебя? Тебя прижало? У тебя же был богатый любовник?

— Был, да сплыл. Жена его обо всем прознала. Пришла ко мне, грозилась убить. Да и папик мой испугался, бросил меня. Хорошо хоть отступные дал. Вот поэтому и свалила сюда, к другу, — усмехнулась Оксана. — У него вчера девочка одного мужика в Дубай сопровождала. Пятьсот тысяч за сутки вышло, прикинь.

— Она молодец, но... Перестань меня уговаривать.

— Ладно, забудь. Профессия быть красивой женщиной богатого мужчины действительно не для всех. Сиди за кассой и три полы. Может быть, удастся какого-то нормального мужика тут подцепить...

Оксана пробыла у нас до самого вечера, а потом укатила, оставив после себя запах сигаретного дыма и шлейф дорогих духов.

— Мам, а о чем тетя Оксана говорила? — спросила я наивно, когда мы легли спать. — Что за работа? В ночном магазине?

— В ночном магазине, — вздохнула мама.

— А тетя Оксана правду сказала: ты очень красивая, мамочка. Самая-самая красивая.

— Спи давай, Яра... Поздно уже.

Через месяц, в холодный день, когда дождь дробью стучал по окнам, мама пришла домой поздно. Я ждала ее, сидя у двери, и слышала, как она говорила по телефону, стоя в общей прихожей. Ее голос дрожал.

— Оксан, можешь занять денег? Пятьдесят тысяч. У меня крупная недостача в магазине. Игорь Владимирович, хозяин, требует, чтобы я вернула... А я понятия не имею, как деньги пропали. Боже, Оксана, я все верну, до копейки, клянусь!

Ее голос затих, и я выглянула из-за двери. Мама прислонилась спиной к обшарпанной стене и закрывала

